

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР РЕФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

А. Г. Кузьмин

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматривается одна из наиболее дискуссионных проблем современной юриспруденции – обеспечение единства судебной практики посредством официального признания прецедентного характера правовых позиций «высших» судов. На примере правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ автор приходит к выводу, что в условиях реформирования государства и общества, несовершенства законодательства правовые позиции, сформулированные высшим судебным органом, выполняют функцию регулятора общественных отношений и одновременно обеспечивают их стабильность.

***Ключевые слова:* правовая позиция, Высший Арбитражный Суд РФ, правоприменение, судебный прецедент.**

Выступая в январе 2012 года на Международной научно-практической конференции, посвященной двадцатилетнему юбилею создания арбитражных судов в России, А. А. Иванов обоснованно заметил, что основные результаты работы в указанном направлении, как и ее масштаб, еще только предстоит оценить. Это связано с тем, что история не содержит много примеров «столь быстрого и успешного внедрения новой модели правосудия в обществе, не имевшем до того ни экономических свобод, ни независимых судов, ни системы институтов, способных разрешать споры, неизбежно возникающие в конкурентной экономической среде». В начале своего формирования, – отметил Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ, – у арбитражных судов отсутствовала возможность опираться на накопленный практический опыт, поскольку существовавшая в то время система госарбитража не могла быть эффективно применена в условиях конкурентной экономики. В связи с этим важной задачей представлялась разработка механизма, способного реагировать не на уже возникшие вызовы, а на те, которые еще только могут возникнуть в будущем, с тем чтобы попытаться решить их прежде, чем они приобретут характер кризиса [4, с. 14].

Важнейшую роль в формировании такого механизма сыграло официальное признание правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ в качестве «фундамента» для осуще-

ствления разъяснений по вопросам судебной практики, обеспечивающих ее единство. Так, в Постановлении от 21 января 2010 г. № 1-П Конституционный Суд РФ указал, что вытекающее из ст. 127 Конституции РФ правомочие Высшего Арбитражного Суда РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики направлено на поддержание единообразия в толковании и применении норм права арбитражными судами и является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы. Указанный механизм основан на предписаниях ст. 15 (ч. 1), 17, 18, 19 и 120 Конституции РФ, а его реализация в процессуальном регулировании обеспечивается установленной законом возможностью отмены судебных актов, в том числе в случае их расхождения с актами высшего суда в системе арбитражных судов Российской Федерации, дающими разъяснения по вопросам судебной практики.

«Осуществление Высшим Арбитражным Судом РФ этого правомочия, – отметил Конституционный Суд РФ, – объективно не может не основываться на вырабатываемых им правовых позициях, содержащих толкование разъясняемых положений законодательства. Отрицание права Высшего Арбитражного Суда РФ давать на основе обобщения судебной практики абстрактное толкование применяемых арбитражными судами норм права и формировать соответствующие правовые по-

зиции означало бы умаление его конституционных функций и предназначения как высшего суда в системе арбитражных судов, – при том, что он не вправе выходить за пределы своих полномочий, определяемых Конституцией РФ и федеральными конституционными законами, и вторгаться в компетенцию других органов государственной, в том числе судебной, власти» [7].

Значимость правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ как инструмента, использование которого позволяет достичь унификации судебной практики и, как следствие, стабильности экономических отношений, трудно переоценить. По мнению И. П. Малиновой, интерпретационные акты Высшего Арбитражного Суда РФ, наряду с интерпретационными актами Конституционного Суда РФ, в полной мере обладают качествами доктринального толкования, поскольку составляются на высоком научном уровне. В контекстуальную базу официального толкования входят концепции юридической науки, и субъект, осуществляющий интерпретацию, «в соответствии со своим юридическим мировоззрением совершает выбор, опираясь при толковании на ту научную концепцию, которая, по его мнению, наиболее адекватно отражает правовую реальность и методологически плодотворна» [6, с. 25]. Необходимо согласиться и с классиком юридической герменевтики Х.-Г. Гадамером, считающим, что в каждом судебном разбирательстве в результате аппликации правовой нормы на конкретную правовую ситуацию происходит «продуктивное расширение закона», при котором исторические контексты возникновения последнего уступают место современным контекстам. При этом традиция применения указанного закона за счет интерпретации обогащается новыми смыслами, и юридическая догма, сохраняя свою правовую сущность, становится, таким образом, более адекватной новым общественным отношениям и правовым ситуациям [2, с. 389].

Следует заметить, что до принятия Конституционным Судом РФ Постановления от 21 января 2010 г. № 1-П, фактически легализующего применение правовых позиций ВАС РФ, их внедрение в юридическую практику подвергалось значительной критике, что затрудняло формирование единообразной практики правоприменения. Такая ситуация, в частности, сложилась в связи с выходом в свет

Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2008 г. № 14, расширившим перечень оснований пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам. Подход, сформулированный в указанном постановлении, вызвал в юридической среде достаточно неоднозначную реакцию и обвинения Высшего Арбитражного Суда РФ в попытках введения прецедентной системы права в России. Между тем, как обоснованно заметил в связи с этим С. В. Сарбаш, указанная оценка связана, скорее, с непониманием существа вопроса. Она не учитывает того, что в силу п. 1 ст. 304 АПК РФ важнейшей государственной функцией Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ является обеспечение единообразия в толковании и применении арбитражными судами норм права. В то же время следует признать, что определенные категории дел, рассматриваемых арбитражными судами, характеризуются той или иной степенью стереотипности, т.е. при их рассмотрении устанавливаются схожие фактические обстоятельства и применяются одни и те же нормы законодательства. Рассмотрение одного из таких дел Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ, сопровождающееся толкованием конкретных норм закона и формированием тем самым правовой позиции высшей судебной инстанции, затрагивает и другие аналогичные дела, число которых может достигать десятков, а иногда и сотен. Очевидно, что передача их всех на рассмотрение Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ негативным образом сказалась бы на исполнении данным судебным органом своей основной функции. В то же время отказ в пересмотре судебных актов означал бы явно несправедливое решение в отношении стороны по делу, чьи права нарушены, и ставил бы субъектов экономических отношений в неравное положение. Таким образом, подход, основанный на применении правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ, позволяет разрешить указанную дилемму, не нарушая «дееспособности» его Президиума и одновременно предусматривая процессуальный механизм защиты нарушенных прав посредством перераспределения нагрузки между судами различных инстанций. При этом прецедентной системы не создается, поскольку Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ не создает новой нормы права, а лишь истолковывает уже имеющуюся норму, которая и

должна применяться нижестоящими судами при рассмотрении споров. Постановление же Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ служит лишь юридическим инструментарием устранения неясности нормы закона, ее противоречивости или иного дефекта. Использование в данном случае института вновь открывшихся обстоятельств, – полагает С. В. Сарбаш, – представляет собой юридический прием толкования законодательства и обусловлено отсутствием специальных институтов, предназначенных для разрешения указанной правовой ситуации. Кроме того, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что в периоды социального и государственного реформирования законодательство зачастую содержит пробелы, противоречия, неясные по содержанию нормы, и в этих условиях установление единообразного толкования норм права оказывается особенно важным [8].

О необходимости единства судебной практики как обязательном условии эффективного разрешения юридических конфликтов свидетельствуют позиции и многих других ученых. При этом в последнее время внимание все чаще акцентируется на объективно обусловленном процессе сближения англосаксонской и континентальной систем права. Как известно, для первой характерен прецедентный подход к разрешению споров, когда суд в результате рассмотрения дел вырабатывает общеобязательные положения, которым другие суды должны следовать при рассмотрении аналогичных дел. В континентальной системе права суд не обладает указанными полномочиями, а применяет созданные законодателем нормы права. Однако на современном этапе развития, характеризующемся интенсивным воздействием глобализационных процессов и «интернационализацией» права, наблюдается взаимное обогащение и взаимопроникновение этих двух систем.

Указанная тенденция, с точки зрения Б. Я. Полонского, должна оцениваться положительно: ведь ценность права заключается в том, что оно обеспечивает равенство всех граждан перед законом, и соблюдение этого правового принципа призван гарантировать именно суд, который применяет закон. Именно поэтому, по мнению ученого, следует стремиться к единству судебной практики, которое выражается в том, что конкретная правовая норма при аналогичных обстоятельствах должна применяться единым образом.

Это представляет собой непростую задачу, актуальную для большинства современных государств, и ее решение должно достигаться исключительно с помощью законных способов и средств. Наиболее известным из них является обращение суда с запросом в Конституционный Суд РФ о соответствии применяемого или подлежащего применению в конкретном деле закона Конституции РФ. Рассматривая указанное обращение, Конституционный Суд РФ формулирует соответствующую правовую позицию, которая становится обязательной не только для суда, направившего запрос, но и для всех других судов. Фактически указанная правовая позиция приобретает нормативный характер, в результате чего вырабатываются единые подходы к применению закона [9].

При формировании отношения к правовым позициям «высших» судов следует принимать во внимание и то обстоятельство, что в России, в отличие от ряда других государств, отсутствует специальный орган, наделенный правом официального разъяснения положений закона в случае его неясности. Это обуславливает актуальность интерпретационной деятельности Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, основанной на обобщении судебной практики. Кроме того, потребность в единообразном толковании норм права вызвана динамичным развитием российского законодательства, которое в условиях перехода от административных методов регулирования к рыночным отношениям нуждается в постоянной коррекции. Однако юридические конфликты между участниками правовых отношений нуждаются в своевременном, безотлагательном разрешении, что фактически накладывает на суд обязанность преодолевать дефектность законодательства в процессе рассмотрения дела. Поэтому судебная практика дает ответы на возникающие вопросы, а в ее формировании участвуют все судебные инстанции. «В мире общепризнанно, – замечает Б. Я. Полонский, – что, в конечном счете, ответственным за единообразное толкование и применение закона является высший или верховный суд государства. Совет Европы в своих документах прямо записал, что высший суд государства обязан решать две задачи: обеспечивать единство судебной практики и содействовать развитию права. ВАС РФ постоянно практически их решает» [9].

Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, как и других «высших» судов,

аккумулируют в себе основной ориентирующий потенциал решений и могут быть систематизированы различным образом. Однако, по мнению Н. А. Власенко и А. В. Гриневой, в наиболее общей форме можно выделить две разновидности правовых позиций ВАС РФ: законопроектные и правореализационные [1, с. 92]. Существование первых предопределено предоставлением Пленуму и Президиуму Высшего Арбитражного Суда РФ права законодательной инициативы.

Исследование законопроектной деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ позволяет утверждать, что она основывается на коллегиальных правовых позициях, вырабатываемых на основе постоянного анализа юридической практики с учетом специфики правовых отношений, свойственной каждому этапу развития государства и общества. При этом, несмотря на то что все органы судебной системы России действуют в едином правовом пространстве, взгляды высших судов, формирующие те или иные концепции совершенствования правосудия, могут существенным образом отличаться друг от друга.

В ряде случаев законодательная инициатива Высшего Арбитражного Суда РФ выражается в форме вносимых в Государственную Думу законодательных предложений, которые так же, как и законопроекты, основаны на коллегиальной правовой позиции Высшего Арбитражного Суда РФ. Кроме того, Высший Арбитражный Суд РФ является достаточно активным субъектом законодательной инициативы. Однако, несмотря на его достаточно интенсивную законопроектную деятельность, необходимо отметить, что в большинстве случаев правовые позиции носят правореализационный характер и направлены на преодоление дефектов нормативного регулирования, выявляемых юридической практикой.

Возвращаясь к проблеме сущности правовых позиций ВАС РФ и их оценки в качестве судебного прецедента, следует констатировать, что указанный вопрос не может считаться однозначно разрешенным. По мнению В. Д. Зорькина, проблема судебного прецедента представляет собой одну из кардинальных проблем развития современного права – и в смысле правотворчества, и в смысле правоприменения. «Правотворческая деятельность судов, – пишет ученый, – в правовой системе России формально (официально) не признается, в доктрине интерпретируется противоре-

чиво, но реально существует и через высшие судебные инстанции влияет на развитие права, как это имеет место и в ряде других стран Европейского континента (Греция, Италия, Нидерланды, ФРГ и др.). Действующая Конституция России (ст. 126 и 127) не придает обязательного характера разъяснениям Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики. Вместе с тем традиция судебного правоприменения стремится сохранить за ними такой характер. Решения и разъяснения этих судов в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов оказывают значительное влияние на последующие судебные решения и в определенной мере фактически приобретают прецедентное значение, способствуя в правоприменительной практике судов формированию оптимальных моделей для последующих судебных решений по конкретным делам» [3].

Выявляя общие свойства прецедентов и решений высшего суда на примере Конституционного Суда РФ, В. Д. Зорькин отмечает, что последним присущ ряд соответствующих признаков. Так, указанные решения распространяются не только на рассматриваемую правовую ситуацию, но и на все аналогичные ситуации и имеют официальный характер, делающий их реализацию обязательной на всей территории страны. «Поскольку Конституционный Суд обладает самостоятельной правотворческой функцией, – утверждает ученый, – следует признать, что его решения приобретают прецедентный характер и становятся источниками права. Логика такого подхода закономерна для стран, проводящих радикальные социальные, экономические и политические реформы. Нормативное регулирование в таких странах находится в постоянном противоречивом развитии: то отстает от проводимых реформ, то опережает их, что вызывает потребность в конституционализации отраслевого и регионального законодательства, то есть во встраивании его в непротиворечивую правовую систему, основанную на верховенстве Конституции. Создание значимых прецедентов в этой ситуации играет важную и даже направляющую роль» [3].

Таким образом, создание судебного прецедента, основанное на использовании правовых позиций, рассматривается многими учеными и практиками в качестве одного из основных механизмов правовой модернизации. В условиях реформирования государства и

общества, несовершенства законодательства правовые позиции, сформулированные высшим судебным органом, выполняющие функцию регулятора общественных отношений и одновременно обеспечивают их стабильность. Необходимость такого подхода согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, согласно которым изменение законодателя (в том числе посредством временного регулирования) ранее установленных правил должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Он предполагает наличие правовой определенности, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики. Это необходимо для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и действительности их государственной защиты.

Следует согласиться с Председателем Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Ивановым в том, что тенденция к введению прецедентной системы способствует и снижению коррупции в судах. Формирование прецедентной системы осуществляется за счет достаточно широкого набора правовых позиций, известных участникам рынка и обеспечивающих предсказуемость решений судов. Именно прецеденты, по мнению ученого, позволяют выявлять «странные» решения, отклоняющиеся от сложившейся практики, сформированной высшими судами, и оценивать решения нижестоящих судов с позиции того, насколько их принятие продиктовано не внутренним убеждением судьи, а влиянием внепроцессуальных, внесудебных факторов.

Решения высших судебных органов представляют собой своеобразные национальные «фильтры» для оценки судебных решений, а их наличие способствует возрастанию авторитетности правовых позиций и означает возможность направленного воздействия на будущие решения судов нижестоящих инстанций. Прецедентные свойства правовых позиций, по мнению А. А. Иванова, обладают рядом достоинств. К ним могут быть отнесены относительная стабильность и отсутствие «резких, революционных изменений», что

представляется особенно важным в сфере частного права; внутренняя логика и последовательность развития; фотографическое отображение проблем практики и четкая реакция на них [5].

Известно, что, в отличие от Конституционного Суда РФ, обладающего исключительным полномочием по выявлению конституционно-правового смысла законов, Высший Арбитражный Суд РФ не наделен этим правом. Однако представляется, что это обстоятельство не исключает участия Высшего Арбитражного Суда РФ в конституционализации правового пространства. Это участие выражается в активной интерпретационной деятельности суда и формулировании правовых позиций, направленных на повышение стабильности гражданского оборота, предсказуемости исхода юридических конфликтов, возникающих между его участниками, и, следовательно, последовательное социально-экономическое развитие российского общества в соответствии с его конституционной моделью.

Литература

1. Власенко, Н. А. Судебные правовые позиции (основы теории) / Н. А. Власенко, А. В. Гринева. – М.: ИД Юриспруденция, 2009. – 168 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Зорькин, В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.
4. Иванов, А. А. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и развитие гражданского права на современном этапе / А. А. Иванов // Российский судья. – 2012. – № 3. – С. 14.
5. Итоги работы Высшего Арбитражного Суда РФ за 2009 год и стратегия развития арбитражной системы РФ: интернет-конференция Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Иванова. URL: <http://www.garant.ru>.
6. Малинова, И. П. Интерпретационная деятельность в праве (методологические основания и систематизация) / И. П. Малинова // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 25.
7. По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбит-

ражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П // СЗ РФ. 2010. – № 6. – Ст. 699.

8. Трикоз, Е. Н. Новое постановление ВАС

РФ № 14: введение прецедента или распределение судебной нагрузки? / Е. Н. Трикоз // Арбитражное правосудие в России. – 2008. – № 4. – С. 73–89.

9. Шиняева, Н. В поисках правовой позиции (интервью с Б. Я. Полонским, заслуженным юристом РФ, профессором-консультантом Российской академии государственной службы при Президенте РФ) / Н. Шиняева // Эж-ЮРИСТ. – 2008. – № 14. – С. 3.

Кузьмин Андрей Георгиевич – кандидат юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и коммерческого права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 98–103

LEGAL POSITION OF HIGHER ARBITRATION COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR OF LEGAL PRACTICE REFORMING

A. G. Kuzmin
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article considers one of the most controversial problems of modern law which is the provision of integrity of precedents by means of official recognition of precedent character of legal position of higher courts. On the basis of legal positions of Higher Arbitration Court of the Russian Federation the author comes to the conclusion, that in terms of society and state reforming, imperfection of legislation, legal positions stated by higher judicial authorities fulfills the function of a regulator of public relations and provide their stability at the same time.

Keywords: legal position, Higher Arbitration Court of the Russian Federation law enforcement, legal precedent.

Andrey Georgievich Kuzmin – Candidate of Science (Law), Professor of Entrepreneurship and Commercial Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2013 г.